

И. В. Неупокоев

ФОРМАЛЬНЫЕ И
НЕФОРМАЛЬНЫЕ НЕГАТИВНЫЕ
САНКЦИИ В ЦЕРКОВНЫХ ШКОЛАХ
ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.

УДК 370(09)261.5(091)
ББК 74.03(28-8Тоб)5-41

Настоящая статья посвящена практике применения наказаний в церковных школах Тобольской епархии. Для этого сопоставляется их нормативная основа и факты применения санкций, имеющиеся в открытых и ранее неопубликованных архивных источниках.

Ключевые слова: Тобольская епархия; епархиальный наблюдатель церковных школ; уездный наблюдатель церковных школ; благочинный, священник; церковно-приходская школа; негативные санкции.

I. V. Neupokoev

FORMAL AND INFORMAL NEGATIVE
SANCTIONS IN THE CHURCH SCHOOLS OF THE
TOBOLSK DIOCESE
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES

This article is devoted to practice of application of punishment in the ecclesiastical schools of the Tobolsk diocese. This matches their regulatory framework and facts of the sanctions available in open and previously unpublished archival sources.

Key words: Tobolsk diocese; the diocesan Church schools observer; County observer of Church schools; rural Dean; priest; parochial school; negative sanctions.

Системное устройство церковные школы получили с утверждения в 1884 г. Александром III «Правил о церковно-приходских школах» (далее – ЦПШ). Сам документ содержал лишь самые общие положения и не

упоминал о каких-либо наказаниях для учащихся. Позднее, в 1889 г. появилась «Инструкция учителям и учительницам церковно-приходских школ Тобольской епархии», в которой четко были прописаны принципы вза-

иоотношения учителей и учеников ЦПШ: «В обращении обучающихся с учащимися должен господствовать дух кротости. Учителям и учительницам совершенно **воспрещается бить** учащихся, таскать их за уши или за волосы и обзывать бранными и непристойными словами»¹. Затем, в 1891 г. последовало определение Св. Синода «О дисциплинарных мерах, применяемых в церковно-приходских школах», которое указывало на недопустимость таких мер воздействия, как оставление без обеда, лишение прогулки, удаление ученика из класса, стояние на коленях, битье линейкой по рукам, частое спрашивание уроков, чтение псалмов во внеурочное время и положение поклонов перед иконами².

Главными источниками по применению наказаний в ЦПШ служат официальные отчеты Тобольского епархиального училищного совета (далее ТЕУС), уездных отделений ТЕУС, епархиального и уездных наблюдателей. Уже самый первый перечень дисциплинарных санкций содержится в отчете ТЕУС за 1888–89 уч. год: «Ученики неисправные и малоус-

пешные, а также не отличающиеся благоповедением, подвергались дисциплинарным мерам: внушение, выговор ученику наедине или перед всем классом, сидение на особом месте как во время уроков, так и во время перемен, равно стояние на ногах у классной доски или в углу, допускалось и стояние на коленях, а за упорную леность и шалость — оставление в классе после уроков на час и более времени»³. В отчете за следующий 1889–90 уч. год добавилось: «лишение обеда и сообщение родителям с просьбой принять домашние меры к исправлению их детей»⁴. В отчете за 1891–92 уч. год также добавилось: «устранение от участия в общих детских играх»⁵. Из отчета за 1910–11 уч. г. следует, что «... в двух школах Тюменского отделения меры взыскания учащими с учеников не соответствовали педагогическим правилам и существующим узаконениям и являются превышением учительских прав и власти»⁶.

Применение допустимых и запреценных дисциплинарных санкций зафиксировано в отчетах тобольского епархиального наблюдателя Г. Я.

¹ Инструкция учителям и учительницам церковно-приходских школ Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1889. № 13–14. С. 136–138.

² Наумова Н. И. Церковноприходские школы и школы грамоты Восточной Сибири в 1884–1917 гг. (На материалах Иркутской и Енисейской епархий) : дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2002. С. 211.

³ Церковно-приходские школы в Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 5–6. С. 130–131.

⁴ Церковно-приходские школы Тобольской епархии в 1889/90 учебном году // Тобольские епархиальные ведомости. 1891. № 7–8. С. 158.

⁵ Отчет Тобольского Епархиально-Училищного Совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Тобольской епархии за 1891–1892 учебный год // Тобольские епархиальные ведомости. 1893. № 17–18. С. 323–324.

⁶ Отчет о состоянии церковных школ Тобольской епархии в учебно-воспитательном отношении в 1910/11 учебном году // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1912. № 8. С. 58.

Маляревского. Так, из его путевого журнала за 1890—91 уч. г., например, следует, что учитель Калмацкой ЦПШ Иванов очень грубо обращается с учениками, называя их «безмозглыми, дрянью»¹. В его же отчете за 1900—01 уч. г. говорится «о применении в одной из школ Курганского, в одной — Березовского уезда и в одной — Ялуторовского дисциплинарных мер, не рекомендованных упомянутым узаконением»². Из отчета за 1903—04 уч. г. следует, что «Случаев применения дисциплинарных мер, запрещенных определением Св. Синода от 16—30 января 1891 года за № 91, в отчетном году наблюдалось было два»³. В его же отчете за 1905—06 уч. г. констатируется, что: «Случаев применения дисциплинарных мер, недозволённых существующими правилами и требованиями здоровой педагогики наблюдалось сравнительно немного и к устранению их принимались следующие меры. В Ялуторовском уезде одна учительница, замеченная в этом, была уволена от службы, другая из Ишимского уезда также оставила службу в церковных школах...»⁴.

С 1907 г. новым епархиальным наблюдателем был назначен протоиерей Н. Грифцов, в отчетах которого также приводятся факты использо-

вания формальных и неформальных негативных санкций. Он отмечает, что за период 1909—10 уч. г. применялись: «замечание, выговор, стояние на ногах за партою и у классной доски, оставление на час после классных занятий, сообщение родителям». И далее: «Имел место выдающий по своей грубости случай. Учительница градо-Тюменской Ильинской ЦПШ Агрипина Шветова, выведенная из себя грубыми шалостями одного из учеников 8 октября 1909 г. толкнула его так, что он ударился о парту и разбил себе висок»⁵.

В этот же период в соседней Оренбургской епархии, по данным оренбургского епархиального наблюдателя за 1901—02 уч. г., применялись: «строгий и пристальный взгляд учителя на провинившегося, название ученика по имени, замечание, выговор, смещение ученика с одного места на другое, занесение имени провинившегося на доску, выставление дурного балла в классном журнале, стояние на ногах, сообщение родителям и воспитателям о дурном поведении ученика». В тех школах, где учителями являлись мужчины, применялось: «Слишком продолжительное стояние на коленях», «драние за уши», «драние за волосы», «удары квадратиком или линейкой по голове или куда попало,

¹ ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. И-201. Оп.1. Д.13. Л.69-об

² Извлечения из отчета Тобольского Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Тобольской епархии за 1900—1901 учебный год // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1902. № 11. С. 81—82.

³ Отчет Тобольского епархиального наблюдателя церковных школ за 1903—1904 учебный год // Тобольские епархиальные ведомости. 1905. № 15. С. 116.

⁴ Отчет Тобольского епархиального наблюдателя церковных школ Тобольской епархии в 1905—1906 г. // Тобольские епархиальные ведомости. 1907. №16. С. 139.

⁵ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.33. Л.13.

толчки кулаком в грудь»¹. Поэтому не случайно, что в 1912 г. Оренбургский ЕУС в письме в Челябинское уездное отделение требовал по отношению к малоуспешным ученикам «совершенно не допускать мер карательных, извращающих душу ребенка и вредных для тела, пробуждающих в детях вместо любознательности, отвращение к занятиям»².

Кроме отчетов епархиального наблюдателя, не менее важным источником по проблеме применения наказаний служат отчеты уездных наблюдателей церковных школ. Тем более, согласно специальной инструкции, им в обязанность вменялось обращать внимание на порядок надзора за учащимися и на принимаемые меры поощрения и взыскания³. Наблюдатель церковных школ священник Васильев в отчете за 1893—94 уч. г. писал, что «Дисциплинарные меры взыскания применялись к невнимательным и неаккуратным ученикам в постепенности от замечания до оставления после уроков в классе для исполнения невыполненных или плохо сделанных работ»⁴. Весь перечень санкций подробно представлен у Курганского уездного наблюдателя священника А. Коровина за 1902—1903 уч. г.: «Школьная дисциплина в большинстве школ поддерживалась хорошо. В Боровлянской, Коробейниковской, Больше-Иткульской, Шепотковской,

Вагинской и Памятинской — посредственно, а в остальных — удовлетворительно. В упомянутых школах дисциплина страдала или от недостаточной настойчивости и слабых характеристик учительниц, или же от их малоопытности и отсутствия педагогического такта»⁵. За период 1912—13 уч. г.: «Школьная дисциплина в большей части школ поддерживалась хорошо, в 9 удовлетворительно, в 1 посредственно, в Суловской школе учительница Морева применяла недопущенные меры взыскания по неопытности»⁶. В отчете за 1916—17 уч. г. указаны также и профилактические санкции: «Мерами к предупреждению нарушений дисциплины служили предостережения словами, строгим взглядом, внушения, советы, наставления, зоркое общение с учащимися... Меры взыскания: выговор наедине и строгий при всех, запись на классную доску, стояние на ногах за партой, в углу, у стола и у доски, лишение игр, оставление без завтрака и без обеда, задержание после уроков от нескольких минут до 1-го часа, требование учить уроки в школе по праздникам, запись в кондуктную книгу (в Новоиконовской), извещение и предупреждение родителей; в случае же безысходности всех мер к исправлению, — увольнение из школы.... Случаев недопущенных и унижительных мер взыскания не замечено»; в Тебеняжской и Доможировской

¹ ГАКО. Ф. И-50. Оп.1. Д. 17. Л.6-об.

² ГАКО. Ф. И-110. Оп.1. Д.32. Л.44.

³ Инструкция наблюдателю церковных школ Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1890. № 19—20. С. 168.

⁴ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.15. Л.48.

⁵ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.27.Л.23-об.

⁶ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.48. Л.4-об.

ЦПШ «проявлялись случаи неисправимо-плохого поведения учеников (как табакокурение, сквернословие, леность, упрямство), за что по необходимости пришлось исключить 4-х учеников»¹.

Источником для нашего исследования служит и такой вид делопроизводительной документации, как переписка между уездными наблюдателями и заведующими школ. Например, Курганский уездный наблюдатель священник А. Коровин в сентябрьском 1901 г. письме заведующему Головинской ЦПШ сообщал об обнаружении следующего факта: «Учительница по своему произволу исключила ученика из школы, даже без ведома и. о. заведующего», и далее просил объяснить учителям, что «подвергать детей такому тяжкому наказанию, как исключение из школы, тем более единолично, они ни в коем случае не должны»².

На основании донесений священников-наблюдателей уездные отделения составляли для ТЕУС ежегодный отчет о церковных школах, в которых также была представлена информация о наказаниях. Так, в отчете курганского уездного отделения за 1891—92 уч. г. говорится, что «В числе дисциплинарных мер взыскания за неисправность, малоуспешие, леность и шалости учащихся практиковались:

словесное вразумление, выговор — и как высшая мера взыскания — стояние на ногах во время уроков. Случаев же применения более суровых мер взыскания, которые могут иметь вредное воспитательное влияние на детей, наблюдателями не замечалось»³. В отчете за 1895—06 уч. г. перечисляются такие дисциплинарные меры, как «выговоры, замечания, стояния на ногах, оставление на час по окончании занятий»⁴.

Кроме специальных наблюдателей церковных школ, Тобольская Духовная Консistorия обязала посещать все сельские училища благочинных приходских церквей и доносить «об усмотренных ими недостатках»⁵. Таким образом, донесения благочинных приходских церквей епархии также являются одним из источников по рассматриваемой проблеме. Так, например, в 1914 г. благочинный церквей курганского уезда доносил, что «учитель Наумов дерзок и груб к ученикам, клеветать и лгать способен»⁶.

Епархиальный и уездные наблюдатели в соответствии с должностными обязанностями могли бывать в школах только два раза в учебном году. А в их присутствии в качестве проверяющих учителя и законоучителя церковных школ в большинстве случаев вряд ли бы стали использовать неформальные санкции. А это озна-

¹ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.49. Л.9,30.

² ГАКО. Ф. И-117. Оп.1. Д.13. Л.118

³ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.14. Л.4.

⁴ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.17. Л.13-об.

⁵ Указ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО, из Тобольской Духовной Консistorии благочинным Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. 1900. № 17. С. 116.

⁶ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д. 56. Л. 25-об.

чает, что вышеприведенную в отчетах информацию о наказаниях следует считать неполной. Поэтому в нашем исследовании следует найти источники, в которых об этом свидетельствовали бы сами «субъекты наказаний»: учителя и законоучителя. Наличие или отсутствие таких источников зависит, в том числе и от сложившихся взаимоотношений между ними: либо сотрудничества и тогда применение наказаний может скрываться, либо конфликта и тогда один из субъектов использует наказания как повод донести на другого. Так, например, в 1911 г. заведующий Марковской ЦПШ священник Попов доносил в Курганское отделение, что они вместе с учительницей уволили ученика старшей группы А. Петрова за безобразные шалости¹. В 1914 г. заведующий Головинской ЦПШ доносил, что учительница Е. Данилло избивала одного ученика веником и его родители просят сообщить об этом начальству². В 1915 г. заведующий М-Песьяновской ЦПШ священник Попов также сообщал в курганское отделение о nepозволительных поступках учительницы Петровой с детьми³.

Ряд учителей церковных школ даже делились своим опытом применения наказаний. Так, имеющая 18-летний стаж учительница в 1913 г. писала в епархиальных ведомостях: «...борьба с непослушными и упрямыми детьми вызывает много

трудов и осложнений. Один строптивый ученик в классе заставляет волноваться и волноваться серьезно, до болезни. Не говоря уже о том, что больно своему самолюбию видеть непослушного и упрямого ученика, но ведь часто такой ученик подрывает авторитет учащего перед всем классом: ему говоришь одно, а он делает другое. Ему скажешь: “Иди в угол!” — Он сидит на месте. Что тут делать? Наконец, чувствуешь, что волнуешься, сердиться, выходишь из должных рамок и ...способен надеть массу непоправимых вещей... щелчки, битье линейкой, дранье ушей и т. п.». И далее она делится опытом своих санкций: «Я говорю другим учащимся, чтобы они не разговаривали и не играли с непослушным на перемене, пока не исправится. Учебники даю старые. Родителей прошу спрятать хорошую праздничную одежду и дать плохую»⁴.

Одним из наиболее ценных источников для нашего исследования служат мемуары самих учеников церковных школ, в частности, Курганской ЦПШ. Так, в воспоминаниях С. И. Коржева, ученика с 1913 г., приводятся примеры, совсем противоположные требованиям школьной Инструкции 1889 г.: «... широко применялись физические наказания учащихся. провинившихся оставляли без обеда (т. е. после уроков в школе), били по голове линейкой, а учи-

¹ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д. 42. Л.29-об.

² ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д. 56. Л.106-об.

³ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д. 65. Л.83-об.

⁴ Непослушание и упрямство детей в школе // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1913. № 14. С. 63–64.

тель пения «камертоном», теребили за уши, ставили перед всем классом к доске, в угол»¹. Еще один ученик той же Курганской ЦПШ А. С. Перов вспоминает о таком факте: «Закон божий преподавал дьякон и частенько вкочлачивал знания линейкой. Учителя же такой метод не применяли. У них самое строгое наказание и за самый большой проступок было поставить ученика перед всем классом на колени на какое-то время»². Аналогичные подробности упоминает в своей автобиографии ученик ЦПШ Н. К. Каранчуков, который так описывает методику преподавания учителя Закона Божия: «Такой грубый и невоспитанный человек цыганского типа часто драл за уши и прекратил эту «меру воспитания» после того, как исколечил одного ученика»³.

Интерес представляет и различная реакция родителей на дисциплинарные меры к их детям. Архивные источники содержат примеры отрицательного отношения родителей, особенно к неформальным санкциям. Собственно через родительскую реакцию и становится известно само конкретное наказание. Так, в Тобольских епархиальных ведомостях за 1906 г. было опубликовано письмо-жалоба, подписанное просто инициалами. Из него следовало, что некий учитель одной из церковных школ Ишимского уезда «нещадно морит учеников без

обеда... После окончания уроков они поднимают рев: просят учителя простить, а он не хочет слушать их и идет к себе в квартиру, а они голодные в спертom воздухе да еще с плачем остаются в классе»⁴. Как видим, применение наказаний нередко становилось объектом интереса для прессы. В тюменской газете «Вестник Западной Сибири» была напечатана статья «Своеобразные приемы воспитания». В ней говорилось, что учительница Спасской ЦПШ г. Тюмени А. Попова «щиплет, колотит, выгоняет, увольняет, бьет и дает прозвища ученикам». В отношении законоучителя протоирея А. Грамматина сообщалось, что он также щиплет учеников. Епархиальное начальство предписало тюменскому уездному наблюдателю провести строгое расследование. В результате выяснилось, что ни один факт не подтвердился, а учительница А. Попова в епархиальных ведомостях написала опровержение⁵.

В ряде случаев применение наказаний обсуждалось даже на сельском сходе. В марте 1917 г. Обезьяновский сельский сход обсуждал учительницу местной ЦПШ Анну Романову, которая ученицу Мазаеву выгнала и отказала ей в учебе, а ученика Лямцева безвинно сутки держала голодным. Сельский сход в своем приговоре постановил просить начальство «уволить от должности учительницу Анну

¹ ГУ ГАОПДКО. Ф.6915. Оп.1. Д.2. Л.4.

² КОКМ. Ф. 31. Оп.1. Ед. хр.10. Л.28.

³ ГАКО. Ф. р-1735. Оп.1. Д.29. Л.9-об.

⁴ Школьный листок при Тобольских Епархиальных Ведомостях. 1906. № 22. С. 176.

⁵ Клевета на церковную школу // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. 1913. № 10. С. 33.

Романову и заменить другим лицом¹.

Таким образом, применительно к церковным школам существовали строгие нормативные предписания о допустимости тех или иных наказаний. Их применение было одним из объектов отчетности при ревизии школ специальными наблюдателями. Отчеты фиксировали в том числе и недопустимые негативные санкции. Однако эти документы не могли отражать всю совокупность наказаний из-за специфики самой системы инспекции школ, а также из-за естественного желания «не выносить сор из избы». Поэтому существенным дополнением к раскрытию этой проблемы нам послужили неопубликованные мемуары учащихся церковных школ и материалы прессы. Следует отметить, что, с одной стороны, ТЕУС от своих уездных отделений требовал обращать внимание на поддержание школьной дисциплины. Так, из его письма в мае 1899 г. в курганское отделения следовало, что «Во многих школах дисциплина поставлена не вполне удовлетворительно. Ученики во время занятия учителя с другой группой шалят и занимаются разговором. Обратить внимание на школьную дисциплину заведующих и учащихся»². С другой стороны, вопрос о применении наказаний не относился к числу первостепенных. Например, за период 1896, 1897 и начала 1898 г. курганское уездное отделение сделало 99 постановлений, из которых только

одно было посвящено исключению двух учеников курганской ЦПШ за крупный дисциплинарный проступок³. Наличие четко прописанных требований к наказаниям практически позволяло в целом контролировать этот вопрос. Однако это не означало возможности применения в отдельных случаях неформальных негативных санкций. На примерах мы показали, что, несмотря на официальный запрет, в ряде школ наиболее часто практиковалось «оставление без обеда» или «поставление на колени». Это можно объяснить и как неосведомленностью родителей и даже учителей законодательным ограничением допустимых санкций, и как примирительным отношением крестьян к наказаниям как к таковым. Тем не менее, из-за незначительности неформальных негативных санкций их следует считать скорее исключением.

Проблема наказания в церковных школах будет закрыта постановлением Временного правительства от 20 июня 1917 г. об объединении учебных заведений разных ведомств в Министерстве Народного Просвещения. Почти 40 тысяч церковных школ с имуществом будут переданы в ведение МНП. А уже при большевиках Декретом ВЦИК «Об единой трудовой школе РСФСР» в школах вообще будут отменены любые виды наказания⁴.

¹ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.70. Л.11-об.

² ГАКО. Ф. И-34. Оп.1. Д. 64. Л. 82.

³ ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д. 18. Л. 39.

⁴ Загребин С. С. Культурная политика Российского государства в конце XIX – первой трети XX вв. Челябинск, 2006. С. 36.

Список литературы

1. Инструкция учителям и учительницам церковно-приходских школ Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. — 1889 — № 13—14.
2. Наумова, Н. И. Церковноприходские школы и школы грамоты Восточной Сибири в 1884—1917 гг. (На материалах Иркутской и Енисейской епархий) : дис. ... канд. истор. Наук / Н. И. Наумова. — Иркутск, 2002.
3. Церковно-приходские школы в Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. — 1890. — № 5—6.
4. Церковно-приходские школы Тобольской епархии в 1889/90 учебном году // Тобольские епархиальные ведомости. — 1891. — № 7—8.
5. Отчет Тобольского Епархиально-Училищного Совета о церковно-приходских школах и школах грамоты в Тобольской епархии за 1891—1892 учебный год // Тобольские епархиальные ведомости. — 1893. — № 17—18.
6. Отчет о состоянии церковных школ Тобольской епархии в учебно-воспитательном отношении в 1910/11 учебном году // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. — 1912. — № 8. — С. 58.
7. ГАКО (Государственный архив Курганской области). Ф. И-201. Оп.1. Д. 13.
8. Извлечения из отчета Тобольского Епархиального Наблюдателя о состоянии церковных школ Тобольской епархии за 1900—1901 учебный год // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. — 1902. — № 11.
9. Отчет Тобольского епархиального наблюдателя церковных школ за 1903—1904 учебный год // Тобольские епархиальные ведомости. — 1905. — № 15.
10. Отчет Тобольского епархиального наблюдателя церковных школ Тобольской епархии в 1905—1906 гг. // Тобольские епархиальные ведомости. — 1907. — № 16.
11. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д. 33.
12. ГАКО. Ф. И-50. Оп.1. Д.17.
13. ГАКО. Ф. И-110. Оп.1. Д.32.
14. Инструкция наблюдателю церковных школ Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. — 1890. — № 19—20.
15. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д. 15.
16. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.27.
17. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.48.
18. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.49.
19. ГАКО. Ф. И-117. Оп.1. Д.13.
20. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д. 14.
21. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д. 17.
22. Указ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССИЙСКОГО, из Тобольской Духовной Консистории благочинным Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости. — 1900. — № 17.
23. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.56.
24. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.42.
25. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.56.
26. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.65.
27. Непослушание и упрямство детей в школе // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. — 1913. — № 14.
28. ГУ ГАОПДКО. Ф.6915. Оп.1. Д.2.
29. КОКМ. Ф.31. Оп.1. Ед. кр.10.
30. ГАКО. Ф.р-1735. Оп.1. Д.29.
31. Школьный листок при Тобольских Епархиальных Ведомостях. —1906. — № 22.
32. Клевета на церковную школу // Школьный листок при Тобольских епархиальных ведомостях. —1913. — № 10.
33. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.70.
34. ГАКО. Ф. И-34. Оп.1. Д.64.
35. ГАКО. Ф. И-201. Оп.1. Д.18.
36. Загребин, С. С. Культурная политика Российского государства в конце XIX — первой трети XX вв. / С. С. Загребин. — Челябинск, 2006.